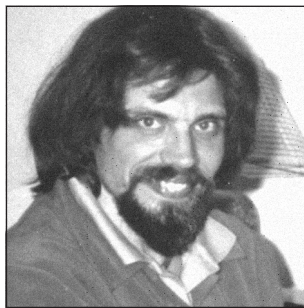

Между феноменологией и постаналитической философией: перспектива герменевтического реализма

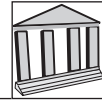

ДИМИТУР ГИНЕВ (Болгария)

В статье рассматривается проблема несоизмеримости концепций реальности, развиваемых герменевтической феноменологией, и концепций реальности различных ветвей аналитической философии. Предлагаемый подход герменевтического реализма, противостоящий эпистемологическому фундаментализму, картезианскому дуализму, эссенциализму в отношении теоретических объектов и когнитивному релятивизму, выступает средством преодоления такого рода несоизмеримости.

Ключевые слова: реальность, герменевтика, постаналитическая философия, герменевтический реализм.

В своей недавней публикации Йозеф Марголис утверждает, что большинство традиционных эпистемологических концепций уже не связаны существенным образом с современными дискуссиями о реализме. Он выдвигает тезис, что в том случае, если нам не удастся развить наши понятия истины, знания, смысла или научного метода до необходимого уровня, то скорее всего мы придем к патовому со-

стоянию¹. Но можно преобразовать эпистемологическую понятность, интенсифицировав диалог между философскими традициями, имеющими дело с вопросами реализма. Мои усилия, представленные в данной статье, направлены на прорисовку некоторого контекста, в котором феноменологическая теория конституирования смысла может быть эффективно применена для успешной реализации постаналитических попыток преодоления дуализма схемы и содержания, репрезентационализма, фундаментализма и эссенциализма; но я не впадаю при этом в когнитивный релятивизм и методологический анархизм. Такую доктрину, произрастающую из «взаимообмена» между феноменологией и постаналитической философией, можно именовать «герменевтическим реализмом». Но она никоим образом не является альтернативой научному реализму. Даже напротив, герменевтический реализм есть своего рода расширение последнего, что делает эпистемологические концепты более адекватными в отношении специфичности исследовательских программ актуальных наук.

Доктрину герменевтического реализма первым представил Патрик Хилан (Patrick Heelan). Согласно последнему, реальность, непосредственно данная в процессе научных исследований (that is ready to hand in the process of scientific research) в технологиях прочтения (например, показаний инструментов), конституирована в виде многообразия осмысленных «текстов»². В такой формулировке прочтение и конституирование очень близко соотнесены друг с другом. Тексты не пишутся до инициирования процесса исследования. Тексты, которые читает наука, суть артефакты, проистекающие из осуществления научных практик, пишущихся Природой на инструментах людей в рамках динамики изменений конфигураций таковых практик. Герменевтический реализм особо выделяет то, что реальность всегда уже конституирована смысловым образом, будучи тем самым реальностью текстуализированной и доступной прочтению. Тексты, конституированные практиками научных наблюдений, инструментами, экспе-

¹ Margolis J. Tensions Regarding Epistemic Concepts // *Divinatio. Studia Culturologica Series*. 2008. No. 2 (Autumn/Winter). P. 9.

² Аргументы Хилана в пользу герменевтического реализма базируются, во-первых, на аналогии между чтением текста и прочтением данных, полученных в ходе применения инструмента (reading an instrument), и, во-вторых, на предположении, что стандартизированный инструмент научного исследования может определять перцептивные профили того или иного научного объекта. Согласно этому аргументу, физическая система знаков в научном исследовании есть функция от применения стандартных инструментов и от обстоятельств, определяемых той или иной научной парадигмой. Heelan P. *Natural Science as Hermeneutic of Instrumentation // Philosophy of Science*. 1983. № 2 (June). P. 181–204.

риментами, измерениями и т.д., служат в качестве кодов для объектов восприятия в нормальной научной повседневности³. Подвергаясь беспрестанному прочтению, реальность неизменно пребывает в процессе конституирования. По Хилану, поскольку здесь требуется нечто большее, чем простая логическая когерентность, герменевтический реализм не следует смешивать с особым рода конвенционализмом. Существует некая интерпретативная предналичествующая структура, вовлеченная в процесс этого конституирования, которая закладывает условия возможности соединения эмпирических объектов с воспринимающими субъектами через прочитываемые тексты. Более того, герменевтический реализм отличается от культурного или когнитивного релятивизма тем, что настаивает на горизонтальном характере прочтения научного текста. Всегда наличествует некоторая интерпретативная соизмеримость («слияние горизонтов» в смысле Гадамера), возникающая между существенно различающимися режимами текстуализации и прочтения.

Герменевтический реализм противостоит всем взглядам, допускающим следующие предпосылки: (а) притязания на обоснованность всех истинных утверждений должны проверяться фундаментальной теорией знания; (б) объективная реальность организована в виде отчетливо различающихся объектов, и такие различия приоритетны перед конституированием смысла; (в) человеческое сознание изолировано от мира таким способом, который предоставляет ему возможность репрезентировать мир через образы, идеи, концепции и категории; (г) существует некое инвариантное и универсальное семантическое ядро в сознании, содержащее некоторые ряды смыслов, относимые к базовой структуре объективной реальности.

Грубо говоря, герменевтический реализм есть реализм особого рода, освобожденный от картезианского дуализма, эпистемического репрезентационализма, фундаментализма и когнитивного (и лингво-семантического) эссенциализма. Очевидно, что для доктрины герменевтического реализма естественным оказывается конституционалистский анализ, требующий герменевтической феноменологии. Отношение прочтения и конституирования должно разъясняться в терминах такого анализа. У тех, кто разделяет ту или иную версию герменевтической феноменологии, общим местом становится утверждение, что мир не находится где-то вовне, а сознание всегда находится внутри мира.

В этой статье я попытаюсь поместить доктрину герменевтического реализма в широкий философский контекст, противопоставляя ее тем самым нескольким позициям, утвердившимся в

³ См.: Heelan P. Perception as a Hermeneutical Act // *The Review of Metaphysics*. 1983. № 1 (March). P. 61–76.

ПЕРСПЕКТИВА ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА

ходе дискуссий между реализмом и антиреализмом. Фактически герменевтический реализм не является собой какой-то единой доктрины, но представляет семейство доктрин, включающих некоторое ядро, оболочку и опциональные доктрины. Среди доктрин ядра следует принимать во внимание герменевтическое конструирование мира (*construal of the world*), когнитивный экзистенциализм по отношению к теоретическим сущностям науки, приоритет фронезис-рациональности над нормативно-эпистемологической рациональностью, герменевтическое предструктурирование субъект-объектных отношений, горизонтальный характер дискурса, противоположный как лингвистическому детерминизму, так и лингвистическому релятивизму, и приоритет интерпретативной открытости над семантической полнотой, имеющей дело с реальностью *sui generis*⁴.

Далее я сосредоточу свои усилия на наиболее важной доктрине ядра – на герменевтическом конструировании мира. Значимость моего аргумента состоит в утверждении, что герменевтический реализм не стремится быть антиэпистемологией, но скорее претендует на статус эпистемологии холистской, согласующейся с интерпретационистской теорией конституирования смысла внутри-мира⁵.

⁴ Подробная разработка доктрин ядра герменевтического реализма предложена в книге *Ginev D. The Context of Constitution*. Dordrecht : Springer, 2006.

⁵ Общеизвестно, что Чарльз Тэйлор обосновывает, что репрезентационализм является более важной характеристикой современной эпистемологии, нежели фундаментализм. Он соотносит репрезентационалистскую теорию знания с тремя базовыми философско-политическими концепциями современности: концепцией субъекта, идеальным образом выделенного из его естественного и социального мира; точечного видения самости; и атомистического конструирования общества, конституированного посредством индивидуальных целей (*Ch. Taylor. Overcoming Epistemology // After Philosophy. End or Transformation*. Eds. K. Baynes, J. Bohman, and T. McCarthy. Cambridge Mass. and London : The MIT Press, 1994. P. 464–488; 471–472). Согласно Тэйлору, подлинная критика эпистемологии должна прийти до преодоления не только репрезентационализма и фундаментализма, но и трех упомянутых выше концепций. Именно поэтому он и нападает на натурализованную эпистемологию, ведущие представители которой (на первом месте – Куайн) все еще поддерживают концепцию выделенности субъекта, точечное видение самости и особого рода социальный атомизм. Однако герменевтический реализм самым радикальным образом отвергает данные философско-политические концепции. И все-таки, руководствуясь этой доктриной, преодолевая репрезентационалистскую эпистемологию и отбрасывая всякую версию натурализованной эпистемологии, мы все же все еще способны оставить место для модельно-теоретического подхода к знанию, который должен дополнить анализ конституирования смысла в терминах герменевтической феноменологии. Понимать знания как конструирование моделей означает контекстуализировать познающего субъекта, рассматривать этого субъекта как укорененного в практики конструирования моделей (т.е. как социально-практический субъект) и допускать, что взаимозависимость практик конституирует первичную социальную среду, внутри которой и индивидуальные цели получают артикуляцию. Говоря об этом, я, однако, не собираюсь утверждать, что не-репрезентационалистская и не-фундаменталистская эпистемология, согласующаяся с герменевтическим реализмом, представляет собой социальную эпистемологию. Согласно взглядам, которые я изложу в этом исследовании, социальная эпистемология следует в русле, определяемом принципами социального конструирования, которому полностью противоположно герменевтическое конструирование мира.

Ведущую роль в моих размышлениях будет играть различие между таким конструированием и объективистским пониманием мира. В противоположность последнему герменевтическое конструирование не ограничивает мир некоторой реальностью, репрезентированной благодаря когнитивным способностям человека. В сферу видения объективистского конструирования я включаю не только те взгляды, в которых исключительное внимание уделяется роли «пассивных репрезентаций», опосредованных семиотическими инструментами, но также и взгляды, в первую очередь уделяющие внимание тем образам, что являются следствиями интервенции технологических инструментов. Всякий вид «интервенционистского реализма» (в особенности версия, развиваемая Хакингом) должен допускать, что мир находится где-то вовне, являясь чем-то вроде поля возможных интервенций, подвергающегося воздействию научных практик. Соответственно разум, придающий практикам их форму, не является местом репрезентации того, что происходит в мире, но представляет собой источник непрерывной интервенции, посредством которой и подвергается провокациям (вызовам) все то, что происходит вовне. Именно эта интервенция дает ресурсы для идентификации видов природы (в особенности тех, что наблюдаются посредством теоретических конструкций науки)⁶.

Поскольку мир есть множество видов природы, он оказывается чрезвычайно зависимым от интервенций, осуществляющихся в ходе практик научных исследований⁷. Мир находится в состоянии непрерывного конструирования – интервенционистского конструирования видов природы.

И все-таки, несмотря на зависимость процесса конструирования понятия мира от интервенций, предположение о том,

⁶ Согласно знаменитому аргументу Хакинга, такие виды природы, как «свободные кварки», получают статус существующих в том случае, если физики начинают охоту за этими сущностями by inducing fractional charges on the niobium ball, бомбардируя его электронами: «Пока вы бомбардируете их, они реальны». (*Hacking I. Representing and Intervening*. Cambridge : Cambridge University Press, 1983. P. 23).

⁷ В рамках интервенционистского реализма принцип реализма состоит именно в каузальных воздействиях, возникающих в результате интервенций путем экспериментирования (и воздействия объяснительной силы). В этой перспективе теоретические объекты науки понимаются как инструменты, вторгающиеся в природу, конструирующие тем самым специфические виды природы. Интервенционистский подход служит реализму практическим базисом в отношении теоретических объектов. Переформулируя взгляд Нельсона Гудмана на создание видов природы, Хакинг утверждает, что нет ничего предосудительного в требовании, что нечто может являться реальным и одновременно – социальной конструкцией. См.: *Hacking I. The Social Construction of What?* Cambridge, Mass., and London: Harvard University Press, 1999. P. 125–162. С этим можно согласиться, однако это утверждение осмысленно лишь в контексте взглядов, что реальное представляет собой социально конструируемое «внутри-мира», а «мир» не будет редуцирован ни к объективной реальности, ни к результату процесса социального конструирования.

что разум (будучи дизайнером практик) противопоставляет себя миру, находящемуся вне его, сохраняет свою силу. И так, в рамках интервенционистского реализма проявляется строгая приверженность примату оппозиции *субъект–объект*, вытекающему из объективистского конструирования. Ключевое основание для сохранения в силе картезианского дуализма состоит в предположении, что за интервенциями в мир кроется работа разума. Эта гипотеза делает неизбежным гипостазирование разума. В противоположность этому герменевтическое конструирование мира утверждает, что человеческая мысль (и разум) изначально уже присутствует в реальности внутри мира. В перспективе герменевтического реализма «мир» не должен получать свое определение на основе гипотезы субъектно-объектной оппозиции.

Ключевая характеристика герменевтического конструирования, которую я предварительно хотел бы выделить особо, состоит в приверженности идее трансцендентности мира. Согласно ей, люди при наличии всех своих когнитивных способностей рождены и вброшены в практики. И тем не менее практики никак не следует рассматривать как реальность *sui generis*. Всякая их реификация означала бы оправдание нового типа эссенциализма. Практики в их взаимоналожении не существуют независимо от «вброшенности» в них людей. Взаимная зависимость соотносящихся друг с другом практик и вброшенность в них «практикующих лиц» должны мыслиться на основе модели круга, которая разрушает всякий тип детерминизма в процессе тщательного анализа практического существования. Позднее я подробно изложу причины трактовки его именно как круга герменевтического. Собственно существование в виде вброшенности в практики имеет приоритет над существованием, получающим свою аутентичность через высвобождение ментальных активностей, посредством которых становится возможным объективация. Как следствие, конструирование репрезентаций и образов оказывается всего лишь процессом вовлечения в особенные когнитивные практики, перемежающиеся с практиками материальными.

Безусловно, это конструирование иногда требует рефлексивного дистанцирования от непосредственной вовлеченности в практики. Однако это не означает выхода за пределы мира практик. Когнитивное конструирование эпистемических образов возникает путем трансформаций в рамках самого практического существования. В такой перспективе эпистемические образы представляют собой всего лишь инструменты в рамках практического существования. Более того, различие между когнитивными и материальными практиками, на

чем особенно настаивалось в ходе предшествующих размышлений, есть всего лишь конвенциональное различие, и оно не должно выделяться как философски значимая демаркация. Человеческие существа уже изначально осуществляют свои операции в мире, где переплелись материально-инструментальные, символически-экспрессивные и когнитивные практики.

Более того, практики организуются в ко-референциальные конфигурации. «Бытие-вброшенным» в такого рода конфигурации получает статус бытия, вовлекаемого в спектр возможностей осуществлять операции внутри мира. Такие возможности порождаются самой ко-референциальностью конфигураций, которая определяет бытие, вброшенное в практики.

Несомненно, способы реализации этих возможностей не следует абстрагировать от волевых, когнитивных и эмоциональных особенностей практикующих лиц. Однако наличествует и транссубъективное измерение (измерение, относимое к трансцендентности субъективного начала в отношении мира), характеризующее непрерывное открывание возможностей внутри мира, – измерение, формирующееся через взаимосоотносимые практики.

Итак, единство порождения (открывания), усваивания и актуализации возможностей внутри мира должно атрибутироваться круговому отношению между тотальностью ко-референциальных конфигураций практик и вброшенностью в них особых практикующих лиц. Другими словами, это единство коренится в сыгранности транссубъективных горизонтов мира и эмпирических диспозиций практикующих лиц; в том, как эти диспозиции проявляются в их расположенности внутри мира. Фактически нередуцируемость хайдеггеровского *Dasein* к эмпирико-антропологическому комплексу обязана факту неизлиминируемости транссубъективного измерения, показывающего себя в способности понимать мир через усвоение возможностей внутри мира. Так понимаемую транссубъективность не следует смешивать с интересубъективностью, которая в любом случае остается эмпирическим феноменом, произрастающим из уже актуализированных возможностей.

В контексте предшествующих размышлений мы приходим к следующему заключению: существование как бытие-вброшенным-в-мир практик непрерывно порождает возможности осуществлять операции внутри мира, независимого от любой сознательной выработки возможностей рационального поведения, т.е. возможностей, проистекающих из ментальной активности планирования такого поведения, которая тем самым задавала бы алгоритм выбора и усвоения этих возможностей.

Возможности, порождаемые взаимоотношенностью практик, уже изначально оказываются спроектированными теми, кто вовлечен в мир практик. И все-таки в этом пункте еще раз следует особо подчеркнуть, что возможности (подобно практикам) не обладают автономной реальностью *sui generis*. Любое настаивание на чистом присутствии возможностей как независимо существующих в новой форме реабилитировало бы эссенциализм. Они не являются независимыми от способов их актуализации. Или еще более точно: проектирование возможностей, данных в конфигурациях взаимосотносимых практик, всегда переплетено с процессами выбора и актуализации этих возможностей. Это еще одно проявление того же самого, уже упомянутого (герменевтического) круга.

«Бытие-вброшенным» в мир практик имеет своим следствием то обстоятельство, что всякий тип контекстуальной вовлеченности в особенные практики (включая типы вовлеченности, которые ведут к конструированию репрезентаций внешнего мира) трансцендирует мир (расширяет его границы. – *Перев.*). Другими словами, имеет место непрерывное трансцендирование мира, состоящего из всех возможных вовлеченностей в контекстуальные конфигурации практик. Как следствие, всякий особый вид бытия в мире практик снова и снова располагается внутри горизонта возможностей, которые это практическое существование (как вид бытия, вброшенного в мир) способно усваивать и актуализировать. «Расположенная трансценденция» («*Situated transcendence*») является ключевой фигурой в герменевтическом конструировании мира. Эпистемическая оппозиция между субъектом и объектом в свою очередь расположена в мире, который трансцендирует рациональную организацию (согласованность с эпистемологическими нормами, стандартами и критериями) объективного знания о тематически данном мире, находящемся вовне. Другими словами, всякий вид эпистемологически (нормативно) организованной, объективирующей делиминации тематической области находит свое место в мире практик. Любой особенный тип такой объективации обязан актуализации возможностей, проектируемых посредством особой взаимоотношенности практик (скажем, нормальных научных практик, образующих рутину повседневности исследовательского сообщества).

Философская версия объективистского конструирования мира известна как «метафизический реализм». Он утверждает, что человеческая мысль не принадлежит объективной реальности (миру), поскольку таковая реальность существует независимо от человеческой мысли. Мир состоит из фиксированной тотальности независимых от разума объектов. Как

следствие, «независимые от мира объекты» существуют вне этого мира⁸. Метафизический реализм подводит к тому воззрению, что мир должен содержать «самоидентифицирующиеся» объекты, поскольку именно сам такой мир (а не особые эпистемические субъекты) сортирует вещи на виды природы. Метафизический реализм, молчаливо приверженный гипотезе «точки зрения Бога», не имеет ресурсов для объяснения, каким образом самоидентификация объектов может иметь место в мире.

Общеизвестно, что концепция внутреннего реализма берет на себя задачу элиминировать этот недостаток метафизического реализма, подчеркивая роль концептуальных рамок (схем), которую последние играют в формулировании критериев объективности и истинности. Утверждение, что фиксация объективности мира является задачей, которая осмысленна лишь в обращении с таковой объективностью исключительно внутри рамок теории, не должна доводиться до предположения, что разум и зависимые от разума объекты изначально присутствуют в мире. Внутренний реализм не предоставляет ресурсов для постановки вопроса о том, как возникает эпистемологическое отношение. Согласно знаменитой формулировке внутреннего реализма, семиотические инструменты, выражающие репрезентации и образы, не могут внутренним образом корреспондировать с объектами независимо от того, как они используются и кем они используются. Они используются, – продолжает Патнэм свой аргумент, – специфическим образом специфическим сообществом. Поэтому некоторый класс семиотических инструментов может соответствовать особым объектам в рамках концептуальной схемы соответствующего сообщества тех, кто эти инструменты использует. Подчеркивая приоритет плюрализма концептуальных схем, в которых решается вопрос объективности мира, можно реифицировать субъект-объектную оппозицию уже не как уникальное эпистемологическое отношение, но как разнобразное отношение между специфическими рамками и специфическими множествами независимых от разума объектов. Однако герменевтическое конструирование мира радикальным образом противопоставляет себя любому типу когнитив-

⁸ Патнэм особо подчеркивает, что метафизический реализм в чрезвычайной степени зависит от взглядов о том, что существует одно и только одно истинное и полное описание мира. Возможность такого описания он относит к «экстерналистской перспективе с точки зрения бога», противопоставляя его перспективе внутреннего реализма. В пробной манере я попытаюсь показать, что герменевтическое конструирование мира не требует такой ограниченности «точкой зрения бога». Это конструирование скорее отвергает саму дилемму между внутренней и внешней перспективами (в смысле Патнэма).

ного (и лингвистического) релятивизма – тем, что подробно разъясняет взгляд на трансцендентность мира.

Настаивание на трансцендентности мира имеет своим следствием то обстоятельство, что всякие концептуальные рамки (и независимые от разума объекты, релевантные для них) локализуются в открытом горизонте возможных модификаций и расширений этих рамок. Более того, эти модификации и расширения имеют место в мире взаимозависимых практик. Открытый горизонт принимает свои формы благодаря потенциально безграничным конфигурациям практик, в которых эти рамки могут модифицироваться и расширяться. Безразлично тому, насколько строгую эпистемологическую кодификацию получают эти концептуальные рамки, они всегда уже изначально открыты для возможных изменений. Внутренний же реализм принимает как данность семантическую полноту и завершенность концептуальных схем, из которой вытекает, что корреспондирующие классы объектов являются фиксированными.

Именно этому предположению противостоит концепция конструирования мира, развиваемая герменевтическим реализмом. Разрабатывая свой подход трансцендентности мира, герменевтический реализм требует радикальной философской стратегии, необходимой для преодоления когнитивного (и лингвистического) релятивизма. Но и Патнэм в свою очередь чрезвычайно озабочен преодолением коллапса внутреннего реализма в некоторую разновидность когнитивного релятивизма. Фактически же он не дает нам *философских* аргументов против когнитивного релятивизма. Патнэм лишь взывает к эмпирическим факторам выбора лучшей концептуальной схемы. Внутренний реализм базируется на предположении, что, получив доступ к способу, каким эти факторы влияют на выбор, можно избежать участи «anything goes».

Герменевтическое конструирование мира избавляется от дуализма схемы и содержания. В аналитической философии в свою очередь наличествует зачаточный подход к тому, как разложить этот дуализм. Дональд Дэвидсон, ведущий представитель этого подхода, утверждает, что отказ от подобного дуализма приводит к утрате рациональных оснований для утверждений концептуального релятивизма. Дэвидсон убедительно показывает неправомерность идеи того, что различные концептуальные рамки способны совладать с реальностью существенным образом различающимися способами. Согласно его ключевому аргументу, ни сеть базовых концепций, ни структура языка не являются фильтрами, через кото-

рые должно просачиваться знание мира. Хотя и существует некоторый объективный мир, независимый от когнитивных схем, все же в отношении него следует отвергнуть возможности доступа к некоему неинтерпретированному (эмпирическому) содержанию. В этом отклонении Дэвидсон доводит кайновскую критику различения аналитического и синтетического до самой крайней точки. Если мы отказываемся от этой дистинкции, – продолжает Дэвидсон свою аргументацию, – мы отклоняем концепцию смысла, который сопровождает эту дистинкцию. И все же идея эмпирического содержания не была отвергнута до конца. При отказе от эмпиристских доктрин осмысленности и аналитичности все еще сохранялась идея языка как воплощения концептуальной схемы, обращенной к эмпирическому содержанию. Соответственно Дэвидсон подчеркивает возможность рождения некоего типа эмпиристской доктрины, основанной лишь на одном дуализме схемы-содержания. Его тарскианская философия языка была образована как альтернатива такому эмпиризму.

Избавившись от «третьей догмы эмпиризма», мы более не обязаны предполагать, что имеет место «нечто нейтральное и обычное, лежащее за пределами всяких схем»⁹. Дэвидсон утверждает, что, принимая воззрение радикального интерпретационизма (как альтернативу тезису несоизмеримости, вытекающему из плюрализма концептуальных рамок), мы можем выработать как эффективную теорию смысла, так и адекватную теорию суждения (belief). Благодаря такому подходу возникает возможность показать то, как возможна коммуникация между адептами различных схем без того, чтобы предполагать наличие неинтерпретированного (эмпирического) содержания как некой нейтральной земли. Утверждая взгляд радикального интерпретационизма, антиэмпирист Дэвидсон показывает, как исчезает разного рода когнитивная и лингвистическая относительность. Все, что остается, – это непосредственный контакт со знакомыми вещами. В итоге способ преодоления дуализма между схемой и содержанием путем радикальной интерпретации оказывается чрезвычайно зависимым от правдоподобности тех предположений, которые движут дэвидсоновым видением «непосредственного контакта со знакомыми объектами».

Отбрасывая теорию «справочника переводчика», Дэвидсон пытается развить радикальную интерпретацию в теорию, доказательства которой можно сформулировать без сущест-

⁹ Davidson D. Truth and Interpretation. Oxford : Clarendon Press, 1984. P. 190.

венного использования таких лингвистических концептов, как смысл, интерпретация и синонимия¹⁰.

С точки зрения герменевтического реализма неправильной в теории радикальной интерпретации является редукция языка к интерпретируемым предложениям, соотносимым (в смысле корреспондентной теории истины) с «секвенциями объектов». С этой точки зрения дискурс (как взаимосоотнесенность дискурсивных практик) имеет приоритет над языком¹¹. Более того, дискурсивные практики не должны вырваться из мира как тотальности взаимосоотнесенных практик.

То, что теория Дэвидсона забывает принять к рассмотрению, – это факт, что всякая радикальная интерпретация специфических предложений имеет место в мире, который всегда уже изначально понят и проинтерпретирован. Принимая во внимание это понимание и интерпретацию возможностей, проектируемую в практиках радикальную интерпретацию можно понять лишь как некоторый вторичный процесс. Как я собираюсь показать, интерпретативное усвоение таких возможностей требует оговаривания онтологических условий.

Имея в виду понимание и интерпретацию возможностей, проектируемых практикой, радикальная интерпретация является всего лишь вторичным процессом. Как будет показано, в интерпретативном усвоении подобных возможностей оговариваются онтологические условия конституирования смысла, тогда как радикальная интерпретация есть всего лишь специфический когнитивный процесс. Теория Дэвидсона игнорирует то, что радикальная интерпретация в качестве подобного

¹⁰ Дэвидсон соглашается, что важным неопределенным семантическим понятием в его теории является понятие удовлетворенности, которое соотносит предложения с бесконечными секвенциями объектов. Всякая секвенция относится к рангу переменных объектного языка. Очевидно, это утверждение выражает лингвистическую версию объективистского конструирования мира (или же версию в терминах аналитической философии языка). Не случайно Дэвидсон апеллирует к онтологии секвенций и объектам, упорядоченным в секвенции. Вся теория радикальной интерпретации выстроена на модели теории истины Тарского. Под объектным языком подразумевается лингвистическая репрезентация мира как объективной реальности. Теория Дэвидсона формулируется в совершенно редукционистской манере. Она, с одной стороны, специфицирует условия, в которых некоторая секвенция объектов удовлетворяет комплексному предложению на базе удовлетворенности простыми предложениями. С другой стороны, она специфицирует условия удовлетворительности простейших предложений. Когда же на кону оказывается интерпретация естественных языков, тогда вопрос удовлетворенности становится более сложным – для языков, наполненных индексными выражениями.

¹¹ Мартин Хайдеггер развивает этот взгляд в гл. 34 «Бытия и времени», будучи озабочен выработкой экзистенциального концепта грамматики. На примере анализа этого концепта можно воспроизвести контуры «хайдеггеровской экзистенциально-герметической лингвистики». В перспективе последней дискурсивная артикуляция основывается на герменевтическом круге между дискурсивными жанрами (горизонтами) и специфическими речевыми актами, где целостная циркулярность специфицируется в самом процессе артикуляции.

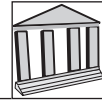

процесса осуществляется в горизонте проектируемых возможностей некоторой продолжающейся дискурсивно-практической артикуляции внутри мира. Его гипотезы, что всякое произносимое выражение имеет свою собственную интерпретацию, а истинность есть единственное свойство, прилагаемое к таким выражениям, приемлемы с семантической точки зрения, которая в лингвистических терминах выражает все то же объективистское конструирование мира. Однако они неприемлемы с точки зрения, ориентирующейся на герменевтическое конструирование мира.

Но, ориентируясь на подобное конструирование, герменевтический реализм вовсе не ведет к социальному конструктивизму. В действительности социальный конструктивизм не посягает на догматы объективистского понимания мира. Тот, кто утверждает, что всякое научное знание конструируется социально, смещает местоположение последней объективной реальности, выводя ее из научных объектов и переводя в мир социальных процессов.

Позицию объективистского эссенциализма защищают сегодня, взывая к реальности процессов согласований (negotiations) или сетям интеракций, где природный мир играет ничтожную роль в конструировании когнитивного тела науки. Релятивизация эпистемической рациональности науки, как это утверждается в принципе симметрии сильной программы, не может служить средством против эссенциализма, поскольку подобное утверждение не преодолевает эссенциализм в отношении первичности субъект-объектной оппозиции. Наконец, социальные конструктивисты часто говорят об «интерпретативной гибкости». И все же они относят это свое выражение исключительно к согласованию научных результатов со специфическим социальным окружением. Для них интерпретация есть всего лишь эпифеномен социальных договоренностей в производстве знания.

Есть и еще одна характеристика социального конструктивизма (в особенности конструктивистской программы когнитивной социологии науки), с которой полемизирует герменевтический реализм. Это выглядит достаточно странным, но данные программы все еще привержены жестким разграничениям между теорией и практикой. Очень часто социологи-когнитивисты склонны объяснять концептуальные инновации в науке ссылками на противоречия между теорией, инструментальной базой и экспериментальной практикой в специфических социальных контекстах. В подобных случаях они трактуют теорию как корпус знания, который тем или иным образом пред-дан научным практикам. Хотя социологи-ког-

ПЕРСПЕКТИВА ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА

нитивисты настаивают на социальной конструируемости теоретического знания, их подход все еще допускает дихотомию *знания-практики*.

Трактовка теоретического знания как чего-то такого, что существует наравне со взаимоотношенностью научных практик, оказывается путем спасения первичности особой версии субъект-объектной оппозиции, причем при этом отбрасывается не только репрезентационалистская эпистемология, но также и нормативно-эпистемологические теории научной рациональности.

Поиск способов объективации мира как горизонта смысло-конституирующих практик и путей формирования эпистемологического отношения выходит за пределы сценариев исследования, измышленных социальным конструктивизмом.

Позвольте теперь – исходя из слегка измененной перспективы – повторить мои утверждения, которые я сформулировал выше. Герменевтическое конструирование мира полагает бессмысленным вопрос о том, как мысль способна достичь и схватить то, что находится вне ее (является «экстернальной»). Согласно этому конструированию, мир не есть реальность во вне, но является тотальностью, в которую вовлечены все сознания (*minds*), оперирующие репрезентациями. Конструкции репрезентаций есть результат практик, осуществляющихся внутри мира. Таким образом, герменевтический реализм имеет своим следствием утверждение о том, что не существует такого мира (хотя его объективность может устанавливаться с эпистемологической точки зрения), который мог бы быть изолирован из тотальности *бытия-в-мире*, онтологически первичной к отношению между субъектом и объектом. Герменевтическое конструирование мира имеет своим следствием то, что разум (или ментальность, или сознание, или когнитивные способности) всегда уже оказывается внутри мира. Безотносительно к тем рамкам, в которых кто-либо обращается к вопросу о репрезентациях (включая его специфическую форму, состоящую в конструировании образов мира путем инструментальных интервенций), эпистемический субъект, которому предсказывается способность репрезентировать, порождается событиями, имеющими место в мире в виде изменений конфигураций практик. С точки зрения герменевтической философии, не существует никаких «сущностей», которые были бы за пределами или вне мира. Как следствие мир всегда уже является трансцендентным в отношении тех событий, которые провоцируют рефлексивное высвобождение (*disentangling*) субъекта из взаимоотношенности практик, который тем самым вовлекается в процесс объективации ми-

ра. (Здесь в свою очередь рефлексивное высвобождение не должно пониматься как изолирование от мира практик, поскольку оно принимает свою форму внутри специфических конфигураций практик.)

В результате герменевтического конструирования мира взаимоотношенность практик (организованная в меняющиеся конфигурации) обладает онтологическим приоритетом над специфическими практиками. Или точнее, всякая специфическая практика всегда приобретает свой смысл ситуативно, т.е. через конфигурации практик, с которыми она соотнесена в некоторой ситуации. Даже само действие изолированного описания особой практики имплицитно реифицирует подобную практику. Такое описание становится возможным лишь при условии принятия в рассмотрение горизонтального характера мира практик.

Мир практик, в который вброшены практикующие лица, оказывается в свою очередь и миром, в котором осуществляется научное исследование. Не существует такой разновидности научной объективизации, которая могла бы иметь место вне конфигураций практик. Самые тщательно разработанные теоретические конструкции (скажем, использование математических формализмов в процедурах получения эмпирических данных) суть следствия дискурсивных практик. Именно поэтому с герменевтической точки зрения было бы непоследовательным утверждать, что мир практик противоположен теоретическому миру. Герменевтический реализм отвергает любой тип онтологической автономии теоретического мира (мир научных теорий, «третий мир» Поппера и т.д.). Не существует никакого теоретического мира, конституированного вне горизонта возможностей, проектирующихся во взаимосотнесенности научных практик.

В предшествующем обсуждении я утверждал, что взаимоотношенность практик проектирует свое бытие в горизонте возможностей. Чтобы прояснить это утверждение, позвольте мне сосредоточиться на той амбивалентности, которую привносит герменевтическая философия. Речь идет об амбивалентности понятия *мира*, как это обсуждалось выше. Это понятие ассоциируется, с одной стороны, с взаимосотнесенностью практик, с другой стороны, с горизонтом возможностей. Действительно, тотальность взаимосотнесенных практик и селекция проектируемых возможностей не являются двумя параллельными процессами. Для преодоления этой амбивалентности требуется переформулировать в терминах герменевтического круга круговой характер взаимосотнесенности практик и вброшенности практикующих лиц.

Начнем с того, что понятие *вброшенности-в-мир* объединяет в одной структуре две атрибутивные составляющие существования, выделяемые при конституировании смысла: открытую горизонтальность мира практик и интринзическую артикуляцию реальности *внутри* мира, достигаемого практикующими лицами в процессе усвоения возможностей и их актуализации.

Являясь транссубъективным горизонтом возможностей и одновременно – непрерывной практической артикуляцией смысловых объектов, мир есть прежде всего интерпретативная открытость для непрерывного конституирования смысла. Те, кто вовлечен во взаимосотносящиеся практики, понимают мир, имея в виду те возможности, которые они усваивают и актуализируют посредством этой вовлеченности. И все же чем больше возможностей они усваивают, тем больше активируется конфигураций практик, которые в свою очередь проектируют новые горизонты открытых возможностей. Поскольку в герменевтическом конструировании мира «понимание мира» неотлично от «мира как горизонта понимания», то такая поступательная артикуляция реальности внутри мира провоцирует поступательное расширение горизонта понимания. Именно применительно к такому расширению в первую очередь имеет смысл разговор о мире как интерпретативной открытости.

Здесь я хотел бы указать на базовую дифференцию между герменевтической потенциальностью бытия и взглядами, которые получили распространение в аналитической философии, – крипкеанской теорией возможных миров. С точки зрения Крипке, всякая ситуация, в которой агенты используют модальные идиомы, условные наклонения и иные модальности речи, не отвечающие функции истинности, суть «возможные миры». В этом подходе возможные миры представляют собой некое множество связанных меж собой (в некоторых случаях взаимоисключающих) речевых ситуаций. Эта формулировка предполагает пропозициональную (*sentential*) картину языка, укорененную в объективистском конструировании. Все семантические и эпистемологические версии концепции возможных миров принимают как данность то, что язык в первую очередь обеспечивает пропозициональные описания объективной реальности, находящейся где-то вовне. Напротив, начальное основание герменевтических утверждений о потенциальности бытия есть горизонтальность языка (сформировавшегося через взаимосотнесенность дискурсивных практик). Следовательно, еще до получения модальных дескрипций мира (возможные миры) мы уже пребываем среди та-

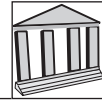

ковых возможностей дискурсивной артикуляции мира (как особенной формы практической артикуляции). В перспективе герменевтического реализма проектируемые возможности – как открытые горизонты понимания – не имеют ничего общего с модальными идиомами и условными наклонениями, вовлеченными в лингвистические описания.

Конститутивный анализ смысла (на протоэпистемологическом уровне) является отличительной особенностью всех разновидностей феноменологии. Как особая парадигма такого рода анализа феноменология имеет трансцендентальное и онтологическое измерение. Конституирование смысла не может сосредотачиваться в рамках актов сознания (в смысле Гуссерля), которые делают мир осмысленным. Все возможные акты сознания осуществляются, уже находясь внутри мира. Другими словами, мир не является коррелятивно-данным для интенциональной жизни, но охватывает все возможные интенциональные акты, тем самым делая трансцендентальное эго избыточным основанием для конституирования смысла.

Поскольку особое внимание следует уделить транссубъективному характеру конституирования смысла, позвольте мне обратиться к этой специфичности герменевтической модели конститутивного анализа. Конституирование смысла является процессом непрерывным, тогда как конституирование знания непременно выражается дискретными структурами (утверждениями, гипотезами, концептуальными структурами, моделями, теориями). Именно первый из названных процессов служит функции пред-структурирования эпистемических структур. Это предположение разделялось как в гуссерлевской, так и в хайдеггеровской феноменологии. Тем не менее парадигмы конститутивного анализа, предлагаемые этими феноменологическими доктринами, существенно различаются, поскольку они развивают подходы к феномену трансцендентности совершенно различным образом.

Для Гуссерля мир – это имманентная трансценденция в рамках интенциональной жизни сознания (континуальность интенциональных актов сознания). Поскольку конституирование смысла характеризуется своим протоэпистемологическим статусом, мир не может концептуализироваться как нечто противоположенное интенциональности сознания. Конституирование смысла осуществляется всецело на территории интенциональной жизни, и мир, непрерывно получающий свое осмысление, имманентен этой жизни. Гуссерль более не привержен тому метафизическому предубеждению, что за пределами интенциональной жизни наличествует некая ре-

альность – как чистая, недостижимая данность¹². Не существует никакой (несмысловой) реальности. Мир как трансцендентная реальность непосредственно дан интенциональности сознания. Именно поэтому таковая реальность получает существование в виде многообразия смысловых объектов.

Идея имманентной трансценденции имплицитно, что в процессе конституирования смысла мир не может отсекаться от сознания. Мир как имманентная трансценденция получает свой статус на фоне идеи о коррелятивной априори¹³, предполагающей наличие протоэпистемического субъекта – трансцендентальной эго. Заменяя интенциональную жизнь сознания «фактичностью» существования, имманентная трансценденция мира превращается в трансцендентность расположенности внутри мира (*a situated transcendence within the world*). Более нет необходимости в *хюле-морфном* конструировании мира. Хайдеггер приписывает *Dasein*'у экстатический характер – он по своей сущности оказывается вне себя самого, будучи способным в то же время возвращаться назад к себе и оставаться в себе самом. Этот экстатический характер *бытия-в-мире* элиминирует необходимость выделения коррелятивной априори и гипостазирования трансцендентальной эго¹⁴. Через атрибутирование конституирования смысла способу бытия, расположенного внутри мира практик, являющегося трансцендентным, мы избавляемся от этой эго, которая несет внутри себя мир как смысловую тотальность и которая в свою очередь с необходимостью предполагается этой тотальностью.

На уровне экзистенциальной онтологии (т.е. на уровне не-сокрытости бытия внутри конституирования смысла) обнаруживаются экстатическая трансцендентность *Dasein*'а внутри мира практик и подручные вещи, корреспондирующие с трансцендентностью мира. Особенный аспект транссубъективности *Dasein*'а и его нередуцируемости к изолированной субъективности состоит в том факте, что оно рассеяно по (потенциально бесконечным) возможным способам взаимодействия с подручным, в котором эти возможности могут быть актуализированы.

В рамках парадигмы конститутивного анализа, развиваемого герменевтической феноменологией, «экстатически-трансцендентная структура *Dasein*'а» определяет трансценденталь-

¹² О связи этого гуссерлевского понимания с хайдеггеровской критикой «онтологии наличного» см.: Carr D. Heidegger on Kant on Transcendence // *Transcendental Heidegger*. Eds. St. Crowell and J. Malpas. Stanford : Stanford University Press, 2007. P. 28–42.

¹³ Поскольку *a priori* по своему смыслу является скорее наречием или прилагательным, а случаи субстантивации пока еще не оговорены в словарях, то переводчик в данном случае выбирает женский род.

¹⁴ В оригинальном тексте эго – женского рода.

ные условия эмпирического существования, получающего определенность в процессе конституирования смысла.

В заключение хочу особо подчеркнуть, что герменевтический реализм – пусть и вдохновленный *аналитикой Dasein'a* – не признает строгую хайдеггеровскую дихотомию между онтическим и онтологическим знанием. Существуют научные программы, приверженные принципам герменевтического реализма. Герменевтическая программа изучения искусственного интеллекта, программа «церебральной герменевтики» Гунтера Стента (Gunther Stent), интерпретативный подход к конституированию квантовомеханических объектов и интерпретативные программы лингвистической морфологии могут служить такими примерами. Все они производят эмпирическое (онтическое) и эмпирически верифицируемое знание о мире. И все же каждая из них специфическим образом использует конститутивный анализ в изучении мира, понимающегося не в виде статичной реальности «где-то вовне», но в качестве непрерывной артикуляции смысла. Используя подобного рода анализ, ведущие представители этих программ вовлекают в свои теоретические рассуждения мотив такой расположенной трансценденции (*the situated transcendence*) того, что они исследуют. В этой процедуре они призывают себе в помощь трансцендентальные аргументы, показывающие эмпирическую возможность исследования объектов, находящихся в процессе такого конституирования. Интегрируя трансцендентальные аргументы, касающиеся трансцендентности мира, они производят онтически-онтологическое знание, в котором объединяются оба аспекта герменевтического реализма – и эмпирический, и трансцендентальный.

Перевод с английского А.Ю. Антоновского